

П. Ертаева*Университет Нийде Омер Халисдемир**Нийде, Турция* <https://orcid.org/0000-0002-6046-3651>email: perizat.yertayeva@ohu.edu.tr**М.К. Амангазиева***Университет Нийде Омер Халисдемир**Нийде, Турция* <https://orcid.org/0000-0001-8999-351X>email: mk.aman@list.ru

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ПОНЯТИЯ «ТЕНГРИ»

Аннотация. В данной статье рассматривается семантическое значение космонима «Тенгри» в лексикографических источниках тюркских языков. Исследование охватывает этимологические, толковые и лингвистические словари с целью выявления ключевых смыслов, связанных с этим сакральным понятием. Особое внимание уделяется роли Тенгри как верховного небесного божества в мировоззрении древних тюрков, а также его трансформации в различных историко-культурных контекстах. Анализ показывает, что в лексикографических источниках Тенгри чаще всего трактуется как символ Вселенной, справедливости, божественной воли и космического порядка. Статья подчёркивает значение этого космонима не только как лексической единицы, но и как отражения менталитета и религиозно-философской картины мира тюркоязычных народов. Исследование выявляет многослойность значений данного термина – от архетипического образа небесного божества в тюркской мифологии до устойчивого символа божественной власти, судьбы и миропорядка. Особое внимание уделяется сравнительному анализу значений в различных исторических контекстах, роли Тенгри в формировании языковой картины мира тюркских народов, а также эволюции космонима «Тенгри» от сакрального значения в древних верованиях до устойчивой лексической единицы в современном языке.

Ключевые слова: Тенгри, космоним, этимология, лексикография, мифология, культурный код, языковая эволюция.

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

История статьи:

Дата поступления: 23.06.2025

Дата принятия: 24.11.2025

Введение

С диалектической точки зрения изучение языка требует исторического подхода к анализу изменений и сдвигов в значениях слов. Однако историю языка невозможно восстановить исключительно на основе письменных источников. Поэтому нередко приходится опираться на материалы, сохранившиеся в самом языке, – ведь они отражают результаты всей исторической эволюции человечества и хранят следы глубокой древности.

Более 70 лет назад один из основоположников казахского языкознания, профессор К. Жубанов писал: «Структура элементов речи имеет не только пространственный характер, но и обладает временным признаком, что означает формирование речи в определённое время и при конкретных исторических условиях. В связи с этим по строению речи можно определить особенности различных эпох. Поэтому такая структура словесного материала постигается историческим изучением...» (Жубанов, 1999, с. 6). При изучении понятий, связанных с религиозными представлениями, важно учитывать их историко-культурную и семантическую эволюцию. В этом контексте слово «*тәңір*» представляет собой не только лексическую единицу, но и отражение мировоззренческой парадигмы, присущей тюркским народам.

Ранние лексикографические источники, такие как словарь Махмуда ал-Кашгари, а также труды В.В. Радлова, дают основание говорить о глубокой архаичности термина. У Радлова приводится форма «*көк тәңрі*» («небесный бог») и примеры употребления в поэтическом контексте, что указывает на связь термина с ранними формами религиозного мировосприятия у тюркских народов. В «Монголо-русском словаре» термин также трактуется через небесную и божественную семантику, дополняя общий историко-культурный контекст. Б.И. Татаринцев предлагает этимологические версии, связывающие слово «*тәңір*» с древними корневыми формами (*таң-іңір*, *танры*), тем самым подчёркивая его мифологическую глубину и символическое значение. Кроме того, как показывают исследования Н.К. Дмитриева, религиозно окрашенная лексика в тюркских языках формировалась в условиях активного культурного и языкового взаимодействия, что отразилось на семантике ряда ключевых понятий, включая «*тәңір*».

В ряде работ подчёркивается поэтическая функция данной лексемы: Г.И. Рамстедт, анализируя тексты тюркской поэзии, указывает на склонность к использованию рифмующихся и синонимических конструкций при выражении понятий, связанных с природой и божественным. Это позволяет говорить о «*тәңір*» не только как о лексеме, но и как о поэтическом образе, укоренённом в ментальности народа. У тюрков мифическое гигантское дерево называлось Тәңір (терек) и ассоциировалось с божественными аспектами мироустройства. Это понятие напрямую связано с концепцией космоса, делящегося на «верхний» и «нижний» миры. Согласно древним верованиям, через такое дерево живые существа могли перемещаться между «семью слоями» неба и «семью уровнями» подземного мира. Таким образом, термин «*тәңір*» представляет собой сложный культурно-языковой феномен, сочетающий в себе религиозные, мифологические и поэтические смыслы.

Настоящее исследование посвящено лексикографическому анализу космологических терминов и выявлению субстратных основ в пределах тюркско-монгольского языкового пространства.

Материалы и методы

Настоящее исследование основано на анализе космологических терминов – «көк тәңірі», «творец», «небо», – встречающихся в тюркско-монгольских и редко других языках. В работе использованы разнообразные источники, отражающие междисциплинарный подход к изучению слова «тәңір» как лексикографического и космологического феномена. Среди них: «Девони лугат-ит тюрк» Махмуда ал-Кашгари, «Опыт словаря тюркских наречий» В.В. Радлова, «Монголо-русский словарь» (1940), «Словарь народных географических терминов» Э.М. Мурзаева, «Бір тілді түсіндірме сөздік» М.М. Малбакова, современные академические словари (якутский, киргизский, узбекский, башкирский, турецкий), «Словарь тюркских основ русского языка» Н.Н. Хусаинова, «Новый турецко-русский словарь» Ю.В. Щеки (2024), серия «Терминологические словари тюркских языков» (2023–2024) и др.

Методологическая база исследования включает следующие подходы:

- этимологический анализ – для реконструкции происхождения лексем;
- контент-анализ мифологических и атеистических текстов советского периода;
- сравнительно-исторический метод – при сопоставлении тюркско-монгольских лексических единиц;
- лексикографический анализ, включая тюркоязычные словари;
- культурологическая реконструкция.

Мы рассматриваем исследуемую лексику как двухкомпонентную систему. В качестве примера были проанализированы сюжеты древнего казахского мифа доисламского периода, опубликованные или исследованные в научных и научно-популярных источниках: диссертация Э.Т. Жанысбековой «Мифологические образы и мотивы в современной казахстанской прозе» (2018), труды С. Каскабасова по казахской фольклористике, «Мифы Древнего Казахстана» О. Жанайдарова (2006) и др. Содержание мифологического рассказа сводится к следующему: два небесных чуда – утро (утренняя заря) и вечер (вечерняя заря) – поочерёдно охраняют земной покой. Их смена происходит в сумерки – в переходное время между светом и тьмой, когда солнце уже зашло, но полная ночь ещё не наступила. В этот момент люди должны оставаться бодрыми и не поддаваться сну. С этим связана, например, русская традиция – сидеть в сумерках молча. Согласно народным представлениям, утро можно встречать до рассвета, но засыпать сразу после заката нельзя. Считалось, что тот, кто уснёт до наступления полной темноты, упустит долю благ, которые небесные силы распределяют в переходное время – утром и вечером, перед тем как солнце полностью скрывается за горизонтом (Мифологический словарь, 1990, с. 523). Подобные представления отражены в пословице «Не ложись спать с солнцем». Вставать с рассветом допустимо, но ложиться с заходом солнца нежелательно. Эта древняя традиция перекликается с более поздней поговоркой «Кто встал рано у того больше удачи, а у женщины больше дел».

Результаты и обсуждение

Лексема «тәңір» возникла как синтез представлений о смене дня и ночи, небесной сфере, божественной силе и устройстве мироздания. В сравнительно-мифологическом контексте данный концепт соотносится с рядом аналогичных понятий в других культурах:

- шумерское «*дингир*» – бог, небо;
- китайское «*тяньли*» – могущественная природная сила;
- майяское «*йаш-те*» – мировое дерево;
- монгольское «*тэнгэр*» – одновременно небо и божество.

Семный анализ лексемы «тәңір» позволяет выявить внутреннюю структуру её значений. В её семантическом ядре лежит архисема «высшее начало», объединяющая несколько дифференциальных сем:

1. [небо] – пространственная и космологическая сема, указывающая на верхний мир, противопоставленный земному;
2. [божественная сила] – сакральная сема, связанная с идеей созидания и управления миром;
3. [свет, высота] – символическая сема, отражающая мифологическую связь между небом, солнцем и жизненной энергией;
4. [гармония, равновесие] – философская сема, актуализирующаяся в контексте понятий «середина» и «равновесие» (ср. с бурятским *тэнг* – «середина»);
5. [человек как посредник] – антропоцентрическая сема, связанная с верой в возможность контакта между земным и небесным мирами.

Таким образом, слово «тәңір» объединяет в себе физическое (небо), сакральное (бог), аксиологическое (высшее, светлое, чистое) и антропологическое (посредник, защитник) значения. В текстах разных эпох эти семы актуализируются неравномерно: в древнетюркских надписях преобладает космическая и религиозная семантика, в фольклоре – этическая и эмоциональная, в философской традиции – символическая и обобщённая.

Вертикальная модель мира с мировым деревом в центре как осью космоса отражена в мифологических представлениях народов Сибири, Центральной Азии и Америки. В этой модели листья, ветви и корни символизируют жизнь, смерть и взаимосвязь между различными уровнями бытия. Образ шамана как посредника между мирами усиливает сакральное значение как самого дерева, так и термина «тәңір». В гуннской мифологии, как отмечает М.А. Сеидов, встречается фигура Тәңірхана – верховного божества и покровителя воинов. Словари фиксируют полисемантическую терминологию:

- у Махмуда ал-Кашгари – значения «бог», «небо», «великий»;
- у В.В. Радлова – формы *Танры*, *Тангры*, *Тәңрі*;
- в «Монголо-русском словаре» – *Тэнгэр*;
- в современных академических словарях наблюдается вариативность как в орфографии, так и в семантике и ассоциативных рядах.

Согласно народной этимологии, два сильных и взаимосвязанных явления – утро и вечер – изначально назывались вместе: *таң-іңір* (букв. «утро-вечер»). Со временем это словосочетание слилось в единое слово «тәңір». Примечательно, что утреннюю и вечернюю зарю многие народы воспринимали как проявление творческой, космической силы. В традиционной культуре эти явления наделялись особой поэтической значимостью и описывались как фантастические, мистически прекрасные события природы. Необходимо учитывать, что основное значение слова в контексте иногда может не совпадать полностью с его значением в словаре. Энциклопедические словари для широкой публики и толковые словари следует теоретически разделять. В период Советского Союза в традиционной структурной

грамматике именно эта точка зрения преобладала. Большинство учёных, занимающихся теоретическими и практическими вопросами лексикографии, также придерживалось указанного взгляда. Например, один из создателей теории лексикографии тюркских языков Ж.М. Гузев был сторонником вышесказанного подхода (Гузев, 1984, с. 49). Согласно мнению учёного, в энциклопедических словарях рассматриваются материалы, неизвестные широкой аудитории с познавательной точки зрения, тогда как в семантических определениях анализируются слова и термины, известные широкой публике и требующие лишь пояснений. Названия, которые мы рассматриваем, на первый взгляд, могут показаться знакомыми широким массам, однако их историческое формирование и представление в словарях являются крайне сложным материалом, требующим глубокого изучения.

Ю.В. Кнорозов, расшифровавший древние тексты майя, также привёл примеры множества имён богов (Кнорозов, 1975, с. 226–257). В своих записях об островах южных морей Я. Вольневич упоминает предания народа Тонга, согласно которым первым великим вождём был Туи-Тонга, сын божества Тангалуа, обитающего на небесах (ср. с инкским богом Тангароа). Считается, что Тангалуа спустился с неба по ветвям гигантского дерева, достигавшего небес, и вступил в союз с молодой девушкой с острова Тонга. От этого союза родился Туи-Тонга (ср. с названием *Туйе Тонга*), ставший полубогом и полулюдским правителем (Вольневич, 1980, с. 145–146).

Гигантское дерево, вершина которого достигает неба, – ключевой элемент вертикальной космологической модели. Во многих мифологических системах оно символизирует связь между тремя уровнями мира: небом, землёй и подземным царством. Первоначально мир делился на верхний и нижний: нижний ассоциировался с царством мёртвых и хтонических духов, а верхний – с обителью богов и избранных душ, попадающих туда после смерти. Между ними располагался земной мир, населённый живыми существами. Концепция «среднего мира» или «средней земли» отражена в мифологиях Скандинавии и у народов Сибири. Вертикальная модель мира также конкретизируется в образе дерева: на его вершинах селятся птицы, под корнями обитают змеи, а в средней части – травоядные животные (например, козы, антилопы) и белки, которые, прыгая с ветви на ветвь, символически соединяют верхний и нижний миры.

В представлениях древнего народа майя вселенная представлялась как огромное пространство с центральной колонной – стволом дерева, а позднее – как дом с четырьмя колоннами, поддерживающими углы. Эта центральная колонна называлась «йокмал каан» – мировое дерево. Главное мировое дерево носило имя «йаш-те» («первое дерево») и описывалось как гигантское растение с широкими ветвями и толстой, покрытой колючками корой. Согласно верованиям майя, в самом центре мира росло дерево *сейба* – «йаш-че» («зелёное дерево»), чьи многочисленные ветви создавали густую тень. Первыми людьми, сотворёнными в этом мире, считались Иш-Аном, богиня земледелия, и Адам, которые питались плодами этого дерева (Кнорозов, 1975, с. 245).

Так, английский археолог Сетон Ллойд, изучавший религиозные верования шумеров, указывал, что наиболее могущественными фигурами их пантеона были Ану, Энлил и Энки. Он писал: «Думузи, бог плодородия, подобно листве,

символизирует зиму, уходя в нижний мир и возвращаясь весной благодаря заступничеству богини-матери и солнца Шамаша» (Ллойд, 1972, с. 29). Таким образом, опавшие листья олицетворяют смерть, а весенние – возрождение. Однако согласно древним традициям, между небом и землёй путешествовали не сами боги, а их посланники – шаманы. Именно они как проводники могли подниматься и спускаться по мировому дереву, устанавливая связь между людьми и богами, земным и небесным мирами, взаимодействуя с мистическими силами и существами.

Азербайджанский исследователь М.А. Сеидов отмечал, что верховного бога гуннов звали Тәңірхан, и он почитался как покровитель воинов. «Онгонами» – духами-защитниками в зооморфных формах – считались также деревья. По словам М.А. Сеидова, «гунны верили, что великий Тәңірхан и «красивое дерево» охраняют страну. Гунны приносили жертвы деревьям, особенно крупным, таким как дуб» (1970, с. 198). Учёный интерпретировал имя божества как сочетание корней *Тангры* ('бог') и *хан* ('вождь'). Начиная с эпохи средневековых тюрков и до современности слово «Тәңір» сохраняет многозначность и активно изучается в лингвистической литературе. Так, в словаре ал-Кашгари оно зафиксировано с тремя значениями: 1. «бог», 2. «небо», 3. «великий» (1960, с. 87).

В словаре В.В. Радлова термин представлен в формах *Танры*, *Тангры*, *Тәңрі* с пояснениями на основе османско-турецких и татарских источников. Первые две формы переводятся на немецкий как *Gott* (*бог*), а древнетюркская форма *Тәңрі* трактуется и как «небо», и как «бог» (Радлов, 1893, с. 24). Также Радлов выделял конструкцию «көк тәңрі» ('небесный бог') и приводил как пример выражение: «Тәңры бабай кукрата» – 'Старец Тәңры гремит громом', указывая на древние верования татар доисламского периода. В современной тюркской лексике слово «Тәңрі» остаётся узнаваемым, хотя произношение варьируется: татарское *танры*, турецкое *танры*, казахское *тәңрі* и другие. Шоқан Уәлиханов упоминал это слово в формах «Тәңгри» и «Тенкри», что, вероятно, объясняется неустоявшимися орфографическими стандартами того времени. В «Монголо-русском словаре» зафиксирована графема «Тәнгэр» с переводами 'небо', 'бог' (Монголо-русский словарь, 1940, с. 166). В отдельных случаях описываемое явление можно рассматривать как диалектную особенность.

Как отмечает В.П. Васильев, монгольское слово «тәнгэр» и китайское «тяньли» обозначают одно и то же – «небо». В китайском языке «тянь» – это «небо», а «ли» – «могущественная сила» (Васильев, 1897, с. 6). Исследователь делает вывод, что китайское слово «тяньли» отражает неведомую могучую силу природы, первоначально выраженную словом «тәңрі» – «творец», «неизвестная сила». В китайско-русском словаре, составленном П.И. Палладием (Кафаровым) и П.С. Поповым, упоминается ещё одно китайское слово, созвучное с «тяньли» – «тянь эррь». Оно переводится как «небесные уши», или «дар всеслышания» (Палладий, 1888, с. 33). Это выражение можно понимать, как «уши небес, способные слышать всё происходящее». В некоторой степени оно перекликается с казахской пословицей: «Сыбырлағанды құдай естімей ме?» – 'Не услышит ли Бог шёпот?' Однако лексико-семантическое сочетание «тянь эррь» не может быть полностью отождествлено со значением слова «тәңрі».

Т. Арынов, исследуя памятник древнекыпчакского языка, отмечал: «В Атхуве встречаются слова китайского происхождения. Известно, что лексема «тәңрі»

состоит из двух корней – «тянь» (небо) и «рин» (человек)» (1983, с. 37). Таким образом, китайское слово «тяньрин» можно перевести как «житель неба». Тем не менее, с этим выводом нельзя полностью согласиться.

Поэт и общественный деятель О. Сулейменов связывал слово «тәңрі» в тюркских языках с шумерским «тенгри» (дингир, тингири), обозначающим солнечного бога. Анализируя шумерский и тюркский языки, он отмечал, что шумерское слово *днгр* (дингир), означающее «бог, небо», схоже с тюркскими формами *тәңрі*, *тегри*, *дангир* (1975, с. 178). Единственным исключением является чувашское слово «тенгир», означающее «море». При этом шумерские слова «тингир/тигир», обозначающие реку, можно сравнить с тюркскими «тенгиз/денгиз» – «море, большая река». О. Сулейменов также отмечал: «Переход значения от “небо” к “море” возможен, что подтверждается примерами из языков. Систематическое чередование чувашского “р” и общетюркского “з” вполне закономерно» (1975, с. 241).

Лингвисты издавна отмечают взаимозаменяемость сонорных согласных «-р» и «-з» в конце слов, как, например, в казахских парах «өгіз~өкір», «көз~көр», «семіз~семір». Топонимист-лексикограф Э.М. Мурзаев рассматривает слова «тәңір~тәңіз» как связанные с понятием «море» (1984, с. 549). Он полагает, что тюркские и тунгусо-маньчжурские корни этих слов могут восходить к общему началу, например, к хакасскому «ту-» или оральскому «то-» (Мурзаев, 1984, с. 554). Б.И. Татаринцев стремился доказать исконно тюркское происхождение слова «тәңрі», обозначающего «бог, небо» (1984, с. 78). В своей статье о происхождении тюркского названия *Тәңір* (Небо) и его соответствиях автор исследует варианты слова «тәңрі», произносимые с переднеязычными согласными, и «танры» – с заднеязычными. Он приводит варианты, оканчивающиеся на согласный звук, а также на гласные *-a*, *-e*, *-i*. В результате исследования ученый предположил, что вариант с переднеязычными согласными и тонким звучанием является более древним. Формы, оканчивающиеся на *-i* (*-ы*, *-у*, *-a*, *-e*), по его мнению, могут обозначать более возвышенные понятия, такие как Небо или Бог, в сравнении с названием *Тәңір* (Татаринцев, 1984, с. 80). Поэтому автор не рассматривает соответствие тюркской формы *Тәңір* древнешумерским аналогам. Б.И. Татаринцев пишет: «...если такие контакты были реальностью, то тюркская форма типа *Тәңір* (возможно, и *Тіңір*) уходит в глубь тысячелетий» (1984, с. 75). Он также не согласен с гипотезой С.Ш. Чагдурова, связывающего тюркский корень «тәң-» в слове «тәңрі» с понятием равновесия или середины. Чагдуров полагает, что «тәң» может означать равновесие, середину, небесный свод или обитель света (например, в бурятском *удэрэй тэнг* – «полдень»). Ученый считает разделение корня «тәңір» на части необоснованным. Тем не менее, позже он сам исследует древнетюркский корень «тәң-» как основу.

Важным является предположение А.М. Харитоновой о связи тюрков с Шумером через божество Тенгри, аналог шумерского *dingir* («бог»). Помимо этого, рядом с шумерами выделялось племя турукки, что, возможно, послужило основой для имени тюрков. Харитонов предпологает, что название «турукки» могло быть перенесено шумерами с их бывшей родины (2014, с. 75). Н.К. Антонов критикует гипотезу, согласно которой слово *Тәңір* происходит от двух корней: *тан* и *ері* («заря», «муж»), считая её относящейся скорее к народным легендам, чем к научным воззрениям. В то же время аргументы Б.И. Татаринцева, направленные на опровержение подобных теорий, представляются более обоснованными. Однако

в его рассуждениях встречаются и внутренние противоречия. Так, исследователь допускал, что переход от переднеязычных вариантов (*tәңri*) к заднеязычным (*танры*) мог быть вызван сближением со словом *таң* («заря») и их контаминацией (Татаринцев, 1984, с. 79).

Данная гипотеза вызывает сомнения: с точки зрения исторической фонетики более вероятным выглядит обратный процесс – переход от заднеязычных к переднеязычным вариантам. Это предположение объясняется закономерностями фонетической эволюции и тенденцией к смягчению согласных в тюркских языках.

Несмотря на отдельные неточности, работы Б.И. Татаринцева представляют значительный интерес. В них не только предпринимается попытка реконструкции древней формы слова *tәңri*, но и затрагиваются важные вопросы взаимодействия фонетических, морфологических и семантических процессов в тюркской лексике. Вместе с тем, исследователь недостаточно учитывает явления, необходимые для точного определения корня этимона: законы редукции звуков, гаплоглоию, элизию и её разновидности, а также дисгармонию звуков при соединении морфем. Не принимаются во внимание и словообразовательные механизмы, такие как редупликация, синонимические повторы и рифмованные парные слова, что снижает достоверность отдельных этимологических построений.

Г.И. Рамстедт отмечал: «Вряд ли приходится сомневаться в том, что всем алтайским языкам, имевшим древнюю литературу, было свойственно пристрастие к синонимическим повторам и рифмующимся парным словам. Доказательства этому можно найти в казахских текстах Радлова» (1957, с. 222). Ценно замечание Рамстедта о том, что в тюркских и монгольских языках абстрактные понятия часто выражались через сочетания противоположных идей, например: уйг. «үлүғі-кічігі» ('величина'), монг. «йеке-баге» ('цена') и др. А. Габэн полагал, что такие конструкции могли быть заимствованы из китайского языка (Русско-китайский словарь, 1953, с. 223). Хотя мы не можем уверенно утверждать о китайском происхождении абстрактных имен тюрко-монгольских языков, одна несомненная истина заключается в следующем: субстратные слова, такие как «таң» (танг, тянь, тен), общие для китайского и тюрко-монгольского языков, обозначают как «утреннюю зарю», так и противоположные концепции «высоты и низости», соединяя небо и подземный мир.

Как уже отмечалось, древо мира, соединяющее верхний и нижний миры, называлось «йаш-те» у майя, «бэй-терек» у казахов и «тәңрі терек» у ферганских уйгуров. Это понятие упоминает в своих работах Б.И. Татаринцев. Подобные связи могли также выражаться через лексему «горы» (тағ, дағ, тоу, тоо) или «свет», как в китайском «шаң» («гора»), «шаң ертаң» («утренняя заря»), описанном в эпосе «Оғыз қаған» (Рамстедт, 1957, с. 129). Мы приходим к выводу, что формирование названия «Тәңрі» как единства противоположностей произошло задолго до появления тюркских племён на исторической арене. Здесь стоит упомянуть норвежского учёного Тура Хейердала, который нашёл в архиве древних религиозных рукописей Перу данные, подтверждающие общие мировоззренческие элементы. В древние времена упоминается, что на континент, который ныне называют Латинской Америкой, пришли белокожие боги, известные как Тангароа, Кон (или Кан) и Тики. В рукописях говорится: «...изначальное имя бога солнца Виракоча ... было Кон-Тики или Илла-Тики, что означает Солнце-Тики или Огонь-Тики...» (Вольневич, 1980, с. 19).

Если сравнить эти имена с параллелями, существующими в нашем языке, то можно найти сходство между *Тангароа* из времён инков и казахским *Тәңір*. Суффикс «-оа», добавляемый к антропонимам, часто встречается в названиях мест и личных имён в Океании. Древний солнечный бог инков Виракоча был заменён новыми богами, именуемыми Кон-Тики и Илла-Тики. Эти названия можно перевести на казахский как *Күн Текті* («Солнце-Тики») и *Жалын Текті* или *Алау Текті* («Огонь-Тики»). Американские индейцы воспринимали слово «Тики» как «бог». В орхонских текстах слово «тегін» (‘принц’) имеет схожее звучание. Также этот древнетюркский титул соответствует казахским выражениям «тегі жақсы» или «асыл тек», что означает «высокое происхождение», «хорошая родословная». Достоверность представленных результатов подтверждается анализом данных из сопоставительных источников: древнетюркских памятников, этимологических и толковых словарей, а также трудов отечественных и зарубежных исследователей (М. Кашгари, В.В. Радлов, Г.И. Рамstedт, Б.И. Татаринцев, О. Сулейменов и др.). Использование комплекса методов: сравнительно-исторического, лексико-семантического и семного анализа – позволило выявить устойчивые семантические признаки лексемы «тәңір», проследить её историческую динамику и уточнить круг её этимологических связей. Это подтверждает, что полученные выводы опираются на верифицируемые источники и обладают научной обоснованностью.

На первый взгляд кажется не совсем обоснованным, что такие лексико-семантические параллели существуют. Однако, учитывая недавние открытия, можно предположить, что связи между различными цивилизациями зародились гораздо раньше, чем принято считать. Например, в одном из сообщений 80-х годов приводился следующий факт: «...открытие на юго-востоке Мексики подтвердило, что жители разных стран Азии знали о племенах майя ещё до нашей эры и контактировали с ними. Учёные обнаружили на стенах разрушенных пирамид надписи на древнебирманском и древнекитайском языках, датируемые V веком до н.э. Торговцы и мореходы изучали иностранные языки в древнем поселении перед дальними путешествиями» (Дмитриев, 1958, с. 10).

Из этого можно сделать вывод, что термин «Тәңір», который исследователи связывают с китайским языком, был известен коренным жителям Америки задолго до нашей эры. Уже в те времена древние инки изучали языки народов Азии. Бесспорно, что важнейшим фактором, влияющим на языковую норму, является культура письменности. Письменность объединяет культуру, а словари служат важным источником связи и заимствования терминов между языками. Например, история русско-тюркских переводных словарей уходит корнями в глубокую древность. Они значительно способствовали взаимопроникновению языков и установлению контактов между ними.

Таким образом, проведённое исследование позволяет сделать вывод, что лексема «тәңір» является не только языковым, но и культурно-мифологическим феноменом, отражающим синкретическое мировоззрение древних тюрков. Применение семного анализа способствовало выявлению глубинных смысловых компонентов данной лексемы, раскрывающих универсальные категории космоса, порядка, гармонии и творческой энергии. Достоверность полученных результатов подтверждается обращением к широкому кругу источников – от древнетюркских памятников до современных лингвистических исследований. Полученные выводы

уточняют семантическую структуру ключевой для тюркской мифопоэтики лексемы и способствуют дальнейшему развитию семасиологических и культурологических исследований в области тюркологии.

Заключение

В ходе исследования установлено, что в народной этимологии выражение «таң-іңір» (утро–вечер) трансформировалось в слово «тәңір», которое со временем приобрело значение божественной силы. Утренние и вечерние зарницы в мифологиях разных народов ассоциировались с творческой энергией, а их поэтическое осмысление укоренилось в народном сознании. Особое внимание уделялось лексикографическому анализу с использованием тюркоязычных словарей, таких как словарь Махмуда ал-Кашгари, В.В. Радлова, «Монголо-русский словарь» и других. Это позволило выявить многозначность термина «тәңір» – от значения «небо» и «бог» до «величия». Сравнение с шумерским «дингир», монгольским «тэнгэр» и китайским «тяньли» демонстрирует универсальность космологических концептов.

В анализе учитывались лексико-семантические особенности, в частности различия между значением слова в текстах и его толкованием в словарях, что подчёркивает необходимость сочетания энциклопедического и толкового подходов в словарях. Таким образом, любой словарный термин обладает познавательной функцией – его включение в словарь свидетельствует о существовании активного употребления соответствующего денотата и сигнификата в определённый период.

В исследовании мы стремились определить значение и суть терминов как основных знаков народного сознания, опираясь на языковые данные. Наличие в языке нескольких фонетических вариантов одной лексической единицы (твёрдых и мягких) часто является признаком заимствования (Баскаков, 1974, с. 22).

Список использованной литературы

- Арынов Т. Лексико-семантические и стилистические особенности языка «Китап ат тухфа аз-закия фил-лұғат турк». Алма-Ата: Ғылым, 1983. 207 с.
- Баскаков Н.А. Тюркизмы в восточнославянских языках. Москва: Наука, 1974. 356 с.
- Васильев В.П. Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошоцайдаме и Карабалгасуне. Санкт-Петербург: Тип. Императорской Академии наук, 1897. 506 с.
- Вольневич Я. Красочный пассат, или Странствия по островам Южных морей. Москва: Мысль, 1980. 232 с.
- Гузев Ж.М. Проблематика словника толковых словарей тюркских языков. Нальчик: Эльбрус, 1984. 158 с.
- Дмитриев Н.К. О тюркских элементах русского словаря. Москва: Изд-во АН СССР, 1962. 223 с.
- Дмитриев Н.К. О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Москва, 1958. № 2. С. 129–149.
- Жубанов Х. Қазақ тілі жөніндегі зерттеулер. Алматы: Ғылым, 1999. 540 б.
- Кашгари М. Девони лугат-ит-тюрк. Ташкент: Фан, 1960. 452 с.
- Кнорозов Ю.В. Иероглифические рукописи майя. Москва: Наука, 1975. 251 с.
- Ллойд С. Реки-близнецы: Древние цивилизации Тигра и Евфрата / Пер. с англ. Москва: Наука, 1972. 239 с.

- Малбаков М.М. Бір тілді түсіндірме сөздіктің құрылымдық негіздері. Алматы: Қазақ университеті, 2002. 364 б.
- Мифологический словарь / Под ред. Е.М. Мелетинского. Москва: Советская энциклопедия, 1990. 672 с.
- Монголо-русский словарь / Под ред. Г.Н. Михайлова. Москва: Изд-во восточной литературы, 1940. 873 с.
- Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. Москва: Мысль, 1984. 653 с.
- Палладий (Кафаров) П.И., Попов П.С. Китайско-русский словарь. Пекин: Тип. Русской духовной миссии, 1888. 705 с.
- Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Санкт-Петербург: Тип. Императорской Академии наук, 1893. Т. 3. 1048 с.
- Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. Москва: Изд-во иностранной литературы, 1957. 254 с.
- Русско-китайский словарь. Москва: Изд-во иностр. лит., 1953. 709 с.
- Сеидов М.А. Заметки о гуннской мифологии // Советская тюркология. 1970. № 2. С. 198–201.
- Сулейменов О. О. АЗиЯ. Алма-Ата: Жазушы, 1975. 596 с.
- Потебня А.А. Слово и миф // Из истории отечественной философской мысли. Москва: Правда, 1989. 627 с. URL: https://imwerden.de/pdf/potebnya_slovo_i_mif_1989_ocr.pdf (дата обращения: 03.06.2025).
- Татаринцев Б.И. Происхождение тюркского наименования неба (Тәңри) и его соответствий // Советская тюркология. 1984. № 4. С. 87–92.
- Харитонов А.М. Аналоги библейских имён в греческой мифологии // История и археология. 2014. № 4. URL: <https://history.snauka.ru/2014/04/1019> (дата обращения: 03.06.2025).
- Шаймерденова Н.Ж. Глоссы как феномен текста. Алматы: Ғылым, 1997. 129 с.
- Mamedov, O. & Magomed, M. (2020). Tengri functions in ancient Turkic writing monuments. *Revista Universidad y Sociedad*. 12(5), 399–403. URL: http://scielo.sld.cu/scielo.php?pid=S2218-36202020000500399&script=sci_abstract&tlng=en (дата обращения: 04.06.2025)

References

- Arynov, T. (1983). *Leksiko-semanticheskie i stilisticheskie osobnosti yazyka “Kitap at tuhfa az-zakia fil-lūğat turk”* [Lexico-semantic and stylistic features of the language “Kitap at tuhfa az-zakiya fil-lugat turk”]. Alma-Ata. (in Russ.).
- Baskakov, N.A. (1974). *Predislovie k sborniku “Turkizmy v vostochnoslavjanskikh jazykakh”* [Preface to the collection “Turkisms in the East Slavic Languages”]. Moskva. (in Russ.).
- Dmitriev, N.K. (1962). *O turkskikh elementakh russkogo slovara* [On the Turkic elements of the Russian dictionary]. Moskva. (in Russ.).
- Dmitriev, N.K. (1958). *O turkskikh elementakh russkogo slovara* [On the Turkic elements of the Russian dictionary]. Moskva. (in Russ.).
- Guzev, Zh.M. (1984). *Problematika slovnika tolkovykh slovarey turkskikh jazykov* [Problems of the dictionary of explanatory dictionaries of Turkic languages]. Načhik. (in Russ.).

- Kashgari, M. (1960). *Devoni lugat-it turk* [Devoni Lugat-it Turk]. Tashkent. (in Kaz.).
- Kharitonov, A.M. (2014). Analogi bibleyskikh imen v grecheskoy mifologii [Analogues of biblical names in Greek mythology]. *Istoriya i arkhеologiya*, 4. Retrieved 03 June 2025 from <https://history.snauka.ru/2014/04/1019> (in Russ.).
- Knorozov, U.V. (1975). *Ieroglificheskie rukopisi maya* [Mayan hieroglyphic manuscripts]. Moskva. (in Russ.).
- Llojd, S. (1972). *Reki-bliznetsy* [Twin rivers]. Moskva. (in Russ.).
- Malbakov, M.M. (2002). *Bir tildi tusindirme sozdiktin kurylymdyk, negizderi* [Structural foundations of a monolingual explanatory dictionary]. Almaty. (in Kaz.).
- Mamedov, O. & Magomed, M. (2020). Tengri functions in ancient Turkic writing monuments. *Revista Universidad y Sociedad*, 12(5), 399-403. Retrieved 04 June 2025 http://scielo.sld.cu/scielo.php?pid=S2218-36202020000500399&script=sci_abstract&tlng=en
- Mifologicheskii slovar'* (1990). [Mythological Dictionary]. Pod red. Ye.M. Meletinskogo. Moskva. (in Russ.).
- Mongolo-russkii slovar'* (1940). [Mongolian-Russian dictionary]. Moskva. (in Russ.).
- Murzaev, E.M. (1984). *Slovar' narodnykh geograficheskikh terminov* [Dictionary of popular geographical terms]. Moskva. (in Russ.).
- Palladiy, P.I. (Kafarov) & Popov, P.S. (1888). *Kitaysko-russkii slovar'* [Chinese-Russian dictionary]. Pekin. (in Russ.).
- Radlov, V.V. (1893). *Opyt slovarya turkskikh narechiy* [An experiment in a dictionary of Turkic dialects]. Sankt-Peterburg. (in Russ.).
- Ramstedt, G.I. (1957). *Vvedenie v altayskoe yazykoznanie* [Introduction to Altaic linguistics]. Moskva. (in Russ.).
- Russko-kitayskii slovar'* (1953). [Russian-Chinese Dictionary]. Moskva. (in Russ.).
- Seidov, M.A. (1970). *Zametki o gunnskoй mifologii* [Notes on Hunnic Mythology]. Moskva. (in Russ.).
- Suleymenov, O. O. (1975). *AZiA* [AsiA]. Alma-Ata. (in Russ.).
- Shaymerdenova, N.Zh. *Glossy kak fenomen teksta* [Glosses as a text phenomenon]. Almaty. (in Russ.).
- Tatarintsev, B.I. (1984). *Proiskhozhdenie turkskogo naimenovaniya neba (tanri) i ego sootvetstviy* [The origin of the Turkic name for the sky (tanri) and its correspondences]. Moskva. (in Russ.).
- Vasil'ev, V.P. (1897). *Kitayskie nadpisi na orkhonskikh nadpisakh v Koskhocaydame i Karabalgasune* [Chinese inscriptions on the Orkhon inscriptions in Koshotsaydam and Karabalgasun]. Sankt-Peterburg. (in Russ.).
- Volnevich, Ya. (1980). *Krasochmuy pasat, ili Stranstviya po ostrovam Yuzhnykh morey* [The Colourful Trade Wind, or Wanderings Through the Islands of the South Seas]. Moskva. (in Russ.).
- Zhubanov, H. (1999). *Kazak tili zhonindegi zertteuler* [Studies on the Kazakh language]. Almaty. (in Kaz.).

П. Ертаева, М.К. Амангазиева
Нийде Өмер Халисдемир университеті
Нийде, Түркия

«ТӘҢІР» ҰҒЫМЫНЫҢ ЛЕКСИКОГРАФИЯЛЫҚ ИНТЕРПРЕТАЦИЯЛАРЫНЫҢ ЛЕКСИКА-СЕМАНТИКАЛЫҚ ТАЛДАУЫ

Аңдатпа. Бұл мақалада түркі тілдерінің лексикографиялық дереккөздеріндегі «Тәңір» космонимінің семантикалық мәні қарастырылады. Зерттеу этимологиялық, түсіндірме және лингвистикалық сөздіктерді қамтып, осы қасиетті ұғымға қатысты негізгі мағыналарды анықтауға бағытталған. Ежелгі түркілердің дүниетанымында Тәңірдің жоғарғы көктегі құдай ретінде алатын орнына және оның әртүрлі тарихи-мәдени контексттердегі трансформациясына ерекше назар аударылады. Талдау нәтижелері көрсеткендей, лексикографиялық дереккөздерде Тәңір көбіне Ғаламның, әділдіктің, құдайи еріктің және ғарыштық тәртіптің символы ретінде түсіндіріледі. Мақалада бұл космонимнің жайғаналексикалық бірлік емес, түркі тілдес халықтардың менталитеті мен діни-философиялық дүниетанымын бейнелейтін мәдени-рухани код ретіндегі маңыздылығы атап өтіледі. Зерттеу аталмыш терминнің көпқабатты мағыналарын айқындайды: түркі мифологиясындағы көктегі құдайдың архетиптік бейнесінен бастап, құдайи күш, тағдыр және әлемдік тәртіптің тұрақты символына дейін. Сонымен қатар әртүрлі тарихи контексттердегі мәндердің салыстырмалы талдануына, түркі халықтарының тілдік дүниетанымын қалыптастырудағы Тәңірдің рөліне және «Тәңір» космонимінің көне сенімдердегі қасиетті мазмұннан қазіргі тілдегі тұрақты лексикалық бірлікке дейінгі эволюциясына ерекше назар аударылады.

Түйінді сөздер: Тәңір, космоним, этимология, лексикография, мифология, мәдени код, тілдік эволюция.

P. Yertayeva, M.K. Amangaziyeva
Niğde Ömer Halisdemir University
Niğde, Türkiye

LEXICO-SEMANTIC ANALYSIS OF LEXICOGRAPHICAL INTERPRETATIONS OF THE CONCEPT “TENGRİ”

Abstract. This article examines the semantic meaning of the cosmonym “Tengri” in lexicographic sources of the Turkic languages. The study encompasses etymological, explanatory, and linguistic dictionaries in order to identify the key meanings associated with this sacred concept. Special attention is given to the role of Tengri as the supreme celestial deity in the worldview of the ancient Turks and to its transformation across various historical and cultural contexts. The analysis demonstrates that in lexicographic sources, Tengri is most often interpreted as a symbol of the Universe, justice, divine will, and cosmic order. The article emphasizes the importance of this cosmonym not only as a lexical unit but also as a reflection of the mentality and the religious-philosophical worldview of Turkic-speaking peoples. The study reveals the multilayered nature of this term, from the archetypal image of the sky deity in Turkic mythology to a stable symbol of

divine authority, destiny, and world order. Particular attention is paid to the comparative analysis of meanings in different historical contexts, the role of Tengri in shaping the linguistic worldview of Turkic peoples, and the evolution of the cosmonym “Tengri” from its sacred meaning in ancient beliefs to a stable lexical unit in the modern language.

Keywords: Tengri, cosmonym, etymology, lexicography, mythology, cultural code, language evolution.

Вклад авторов

Ертаева П. – концептуализация, курирование данных, формальный анализ, методология, письмо – обзор и редактирование.

Амангазиева М.К. – курирование данных, визуализация, письмо – первоначальный проект, проверка.